

DOI: 10.17976/jpps/2016.04.06

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ: УКРАИНСКИЙ КАЗУС В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В.В. Лапкин

ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2016. Принята к печати: 23.05.2016

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00021 “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)”) в Институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Аннотация. В статье делается попытка пересмотреть исследовательскую оптику сравнительного анализа альтернативных стратегий построения государства-нации на постсоветском пространстве. Крушение имперской государственности в 1991 г. спустя десятилетие привело не к восстановлению империи в новом обличье, а к бифуркации путей национально-государственного строительства. С одной стороны, это путь бывшей имперской метрополии, а с другой – вариативные политические практики бывших советских республик, отпавших от метрополии. Особое внимание уделено тому обстоятельству, что практически все постсоветские государства (включая и Россию) *de facto* сформировались на основе полиэтнических сообществ, сложившихся к моменту распада СССР. Унаследованные постсоветскими государствами формальные межреспубликанские границы единого Союза стали фактором, серьезно осложняющим реализацию задач национального строительства, способствующим активизации разного рода сепаратистских движений, возникновению территориально обособленных непризнанных международным сообществом политических режимов и “замороженных конфликтов”. Бывшая имперская метрополия пошла путем выстраивания новой “властной вертикали” и дисциплинирования элит в институциональных рамках персоналистского режима. Вместе с тем она стала важнейшим центром притяжения всех сепаратистских политических сил постсоветского пространства, не удовлетворенных условиями существования в новых “этнодемократиях”. В статье анализируется постсоветский феномен “особого сепаратизма”, неприемлющего этнонационализм и ксенофобию и ставящего своей политической целью не *создание* независимого национального государства, а *вхождение* в состав другого государства – России. Альтернативная стратегия национального строительства анализируется на примере Украины после политического поворота 2014 г. Показана прагматическая мотивация такого поворота, задействовавшего ресурсы этнонациональной консолидации и политизации этничности, рациональная инструментальность имитации этнического конфликта в Украине. Наряду с этим выявлена угроза перспективной несостоятельности украинского государства.

Ключевые слова: национальное строительство; этнополитические процессы; сравнительный анализ; постсоветские государства; империя; государство-нация; сепаратизм; Россия; Украина.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На протяжении одного – двадцатого – столетия попытки форсировать (под давлением исторических и геополитических обстоятельств) процессы трансформации имперской государственности (российской, а затем совет-

ской) в направлении современных институциональных форм консолидации общества и моделей политического представительства его интересов дважды заканчивались крахом. Крахом не только надежд обрести современное государство-нацию, но и крахом государственности как таковой, глубокой фрагментацией прежде устойчивой государственной машины.

Причины этих двух последовательных исторических, социальных и политических катастроф (1917 и 1991 гг.), настигавших империю при попытке национально-государственной трансформации, представляются исследованными на сегодняшний день весьма неудовлетворительно¹. Без ответа остается целый ряд принципиальных вопросов, касающихся существа некоего как бы неодолимого препятствия на пути движения — не только России (в ее нынешних границах), но и значительной части отпадающих от нее территориально-государственных образований² — к современному политико-гражданскому состоянию. Вот некоторые из них.

1. Является ли крушение имперской государственности критически необходимым предварительным условием построения государства-нации? Если да, то в чем состояла специфическая особенность российской / советской империи, не позволившая полноценно реализовать проект построения российского национального государства на имперских руинах? Если же нет, то какова могла бы быть оптимальная для российского случая эволюционная траектория симбиотического развития империи и государства-нации? (Напомним, что многие западноевропейские государства-нации вплоть до середины XX в. сохраняли и даже наращивали необходимый им для эффективного национального развития ресурсный потенциал своего колониального “бэкграунда”.)

2. Какова роль национализма (как идеологии и как практики политической мобилизации общества) в реализации проекта государства-нации? И возможен ли успех этого проекта при системном блокировании таких идеологий и таких мобилизующих массовых движений на уровнях как политической культуры, так и политической практики, как это наблюдалось, например, в России / СССР на протяжении всего XX в.?

3. Возможен ли путь бесконфликтного вовлечения полиэтнического общества в процессы нациестроительства (*nation building*), и каковы, в рамках соот-

¹ В этом отношении характерны такие классические труды, как “Империя” М. Хардта и А. Негри [Хардт, Негри 2004] и “Империя и модернизация...” С. Каспэ [Каспэ 2001: 197–207]. Можно также упомянуть “Гибель империи...” Е. Гайдара [Гайдар 2006] и монографию С. Гаврова “Модернизация России: постимперский транзит” [Гавров 2010].

² Так, исторический анализ наиболее успешного случая страны, отпавшей в свое время от России, — Финляндии, — обнаруживает период (конец 1930-х — пер. пол. 1940-х годов) ярко выраженной авторитарной дисфункции и вынужденного сотрудничества с нацистской Германией (1938–1944 гг.) [см. напр. Маннергейм 1999]. Еще более драматические дисфункции выявились в тот период в развитии Польского государства. Сегодня нелиберальные и недемократические тенденции весьма отчетливо проявляются в политике таких внешне вполне успешных постсоветских государств, как Эстония, Латвия и Литва [см. напр. Solska 2011: 1095; Этническая политика... 2013; Ямалова 2015]. См. Также: United Nations. *General Assembly. Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Forms of Intolerance, Follow-up to and Implementation of the Durban Declaration and Programme of Action*. Doudou Diène. Addendum. 2008. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/7session/A.HRC.7.19.Add.3.doc> (accessed 15.06.2016). Все прочие постсоветские государства демонстрируют широкий спектр серьезных отклонений от современных демократических стандартов в диапазоне от режимов неконсолидированной демократии до откровенно авторитарных режимов [о типологии политических порядков и режимов см. Ильин 2014; о постсоветских политических режимах см. Мельвиль, Стукал 2011; Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012; Карозерс 2003: 50, 53, 57; см. также в настоящем выпуске Нисневич, Рябов 2016: 172–174]. При этом, если использовать максимально лаконичную формулировку, решающим фактором и, одновременно, эффективным критерием, позволяющим адекватно оценивать успехи национально-государственного строительства, следует признать качество и стабильность функционирования политических институтов.

ветствующей политики, наиболее эффективные инструменты государственного сдерживания (регулирования) проявлений этнополитической конфликтности?

Повторю, эти и целый ряд других чрезвычайно острых и до сих пор злободневных для российского общества и российских политических элит вопросов по-прежнему не имеют удовлетворительных ответов.

Тем не менее, обращаясь к постсоветской практике, можно, при некотором сходстве, наблюдать ряд существенных отличий в развитии событий в 1990-е годы в сравнении с тем, как восстанавливалась территориально сегментированная государственность на руинах российской империи после 1917 г.

В обоих случаях не менее десятилетия новая, стратегически еще не определенная государственность (как в прежней имперской метрополии, так и на имперской периферии, на территориях вновь образованных государств), компенсируя низкую эффективность работы формирующихся институтов, интенсивно эксплуатировала “наследие прошлого”, сохраняющиеся (особенно — в практиках повседневности) элементы прежнего нормативно-правового порядка. Но столетие тому назад метрополия, пройдя сравнительно краткий период структурной деградации, смогла мобилизовать ресурсы реинтеграции и перейти к воссозданию империи на новых идейно-организационных принципах и формированию новой, номенклатурной имперской элиты, и в итоге — восстановить контроль над большей частью “отпавших провинций”. Напротив, в 1990-е годы результаты реинтеграционных усилий метрополии оказались весьма скромными, а порой и провальными, как в случае с Украиной. Следует признать, что с учетом советского опыта даже поверхностно освоенная институциональная форма национального государства оказалась для политических и хозяйствующих элит государств постсоветского пространства (включая и Россию) более привлекательной, нежели преимущества новой экономической и политической интеграции, осуществляемой в рамках прежней иерархии: “старший брат — его спутники”.

Практически все постсоветские государства, начиная с России и вплоть до — “полярных” — стран Балтии и Таджикистана *de facto* сформировались на основе полиэтнических сообществ, сложившихся к моменту распада СССР на территории соответствующих союзных республик³. Причем далеко не всегда эта полиэтничность возникала лишь в результате миграционных процессов советского периода; корни ее — значительно глубже. В итоге в целом ряде случаев унаследованные постсоветскими государствами формальные межреспубликанские границы единого Союза стали прокрустовым ложем для реализации задач их национального строительства⁴, особенно когда оно

³ Согласно данным за 2005 г. (Географический атлас офицера. 2008. М.: УНИИНТЕХ. 424 с. С. 240–262), постсоветские республики по доле “государствообразующей нации” в своем национальном составе дают, в порядке возрастания, следующую последовательность: Казахстан (53,4%), Латвия (57,7%), Молдавия (64,5%), Киргизия (64,8%), Эстония (65,3%), Грузия (70,1%), Украина (77,8%), Россия (79,8%), Таджикистан (79,9%), Узбекистан (80,0%), Туркмения (81,0%), Белоруссия (81,2%), Литва (83,4%), Азербайджан (90,6%), Армения (95,6%). При этом доля русских в национальном составе республик, отпавших от метрополии, составляла: в Казахстане — 30%, в Латвии — 29,6%, в Эстонии — 28,1%, в Украине — 17,3%, в Молдавии — 13,0%, в Киргизии — 12,5%, в Белоруссии — 11,4%.

⁴ То же самое характерно было и для процессов распада колониальных империй и трансформации подмандатных территорий европейских держав. По итогам Первой мировой войны и в ходе так наз. деколонизации эти державы раскроили обширные пространства бывшей Османской империи и собственных колониальных владений в Африке на весьма произвольные ячейки национально-территориальных (по форме и внешнему статусу, но не по политико-правовому состоянию [см. Ильин 2008: 17; Colomer 2007]) государств, оставив им в наследство неразрешимый клубок этнонациональных противоречий, трансграничной конфликтности и разделенных общностей.

выстраивалось на противопоставлении национального всему российскому и русскому. Непреодолимые противоречия и невозможность совмещения наиболее радикальных политик нацистроительства с императивом сохранения межэтнического мира и гражданского нормативно-правового порядка проявлялись в целом ряде этих государств в формах разного рода сепаратистских движений, территориально обособленных непризнанных международным сообществом политических режимов и “замороженных конфликтов”.

Да и в тех случаях, где относительно успешно консолидированным (на основе знакомых нам по советскому прошлому так наз. *титовых наций*) политическим режимам удалось “купировать” саму возможность столь болезненных дисфункций государственного строительства (прежде всего – в странах Балтии), сформировались весьма одиозные, беспрецедентные по своей сути практики (такие как введение института *неграждан* и другие, подобные этой), ставящие целью *нацистроительства в полиэтническом обществе* достижение *этнокультурной однородности*. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что такие имитирующие современную институциональную демократию практики получили наибольшее распространение и продвигаются как перспективные способы форсированного строительства новых национальных государств там, где властные элиты наиболее вестернизованы. Причем классические западноевропейские демократии, в свою очередь, уже на протяжении четверти века взирают на эти “эксперименты” сквозь “розовые очки”, ограничиваясь лишь увещанием и по сути поощряя данную откровенно этноцентричную модель национального строительства.

Но наиболее драматическим вариантом принудительной консолидации общества в рамках новой государственности остается путь гражданской войны (который в полном объеме век тому назад прошла пореволюционная Россия). Сегодня, в отличие от событий вековой давности, причинами вооруженного противостояния бывших сограждан оказываются не столько социальные или классовые противоречия, сколько политизация этнического фактора, целенаправленная абсолютизация культурных, языковых, поведенческих различий разнородных сегментов полиэтнического сообщества до степени полного антагонизма и витальной несовместимости. Однако следует особо подчеркнуть, что вооруженное противостояние носит именно гражданский, а не этнический характер, поскольку определяется не этнической принадлежностью участников, а их принципиально различным видением стратегии нацистроительства: в одном случае – на основе продвижения принципа этнонациональной однородности в другом, – на основе гражданской консолидации, вбирающей в себя различные этносы и национальности.

ПУТЬ БЫВШЕЙ МЕТРОПОЛИИ

Оценивая экзистенциальный поворот постсоветского развития 1990-х годов от стратегии имперского возрождения к повсеместному экспериментированию с самобытными моделями национально-государственного строительства, обратим внимание на фундаментальную бифуркацию (*букв.* раздвоение) соответствующих траекторий этого строительства. Бывшая имперская метрополия пришла в конце этого десятилетия к необходимости выстраивания новой “властной вертикали” и дисциплинирования элит с использованием институционально закрепленного персонализма [подробнее см. Краснов 2006; Краснов, Шаблинский 2008; Лапкин, Пантин 2014: 81–82]. Но эта политика дисциплинирования последовательно сопрягалась с принципи-

альным отказом от использования *этнополитического ресурса* (и в мобилизационно-практическом, и в идеологическом, консолидирующем общество аспектах), что оставляло для власти только гражданскую перспективу нациестроительства, предполагающую длительную, кропотливую и ресурсоемкую работу. Принципиально иная стратегия характеризовала в более или менее отчетливом виде новые постсоветские ресурсы государства, эксплуатирующие преимущественно этнонациональные ресурсы политической консолидации и государственного строительства и вставшие тем самым на путь целенаправленной *политизации этничности*. Безусловно, их движение по этому пути проходило с различной степенью последовательности, упорства и ресурсной оснащенности: проблемы, риски и вырабатываемые практики формирования этнической нации в практически моноэтнической Армении и в глубоко этнически разделенных Латвии и Казахстане отличались принципиально.

При этом “путь бывшей метрополии” оказался осложнен целым рядом особого рода внешнеполитических конфликтов, которые в несколько этапов, и наиболее резко в 2008 и 2014 гг., материализовались в острейший конфликт России и западного сообщества, в коллизию, не предусмотренную нормами международного правопорядка. Одна из причин этого, представляется, в особенности некоторых постсоветских казусов, выявивших принципиально “неклассические” случаи сепаратистских движений на постсоветском пространстве. Классический вариант сепаратизма – стремление этнической или национальной общности к выходу из состава национально-территориального государства с последующим учреждением собственной государственности. Идеальный тип такого государства был сформирован в ходе трансформации классических западноевропейских этнонаций по мере их вхождения в формирующуюся капиталистическую мир-экономику (XVI–XIX вв.). В дальнейшем эта отягощенная уникальным этнонациональным бэкграундом универсальная форма стала общемировой нормой. В этих случаях сепаратизм, бросающий вызов национально-территориальному государству, по необходимости этнически окрашен, поскольку вынужден противостоять реликтам этнонации в структурах такого государства.

Но характер выхода из регионального интеграционного объединения, такого как СССР в зрелой фазе его существования – более сложен. Такого рода объединение, – к этому типу, впрочем, близки и ЕС, и США, – построено принципиально без использования этнонациональных скреп, это *ab initio* интернациональный (космополитический) проект. Выход из него возможен двоякий: как этнонационалистический (что с той или иной степенью интенсивности демонстрировали почти все бывшие республики СССР), так и прямо противоположный, назовем его “универсалистский”. Поясним причину затруднений при попытке однозначно охарактеризовать этот второй вариант. В нем явно различимо весьма противоречивое сочетание как федералистских, так и имперско-универсалистских принципов, а также некие инварианты, блокирующие путь строительства нации-государства и тем более этнократии. Этот “универсалистский” путь избрала в 1991 г. Россия, заявив о своем правопреемстве в отношении как Российской империи, так и СССР. Такой выбор стал, скорее всего, основной причиной сравнительно “безболезненного” распада СССР, но также и того, что именно Россия выступила ведущим центром новых интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Более того, она стала на этом пространстве центром притяжения всех сепаратистских политических сил, не удовлетворенных условиями существования в новых “этнодемократиях”. При попытках типологизировать соответствующие

казусы мы сталкиваемся с проблемой слабой проявленности этнического фактора со стороны сепаратистских движений. Но также и с тем, что субъектом этнически окрашенной конфликтности в гораздо большей степени выступает преследующая “сепаратистов” государственная власть, вознамерившаяся конструировать нацию путем принудительного насаждения этнокультурной однородности общества и взявша соответствующую идеологию и практику на вооружение.

Эти “особые сепаратисты”, в отличие от “классических”, стремящихся противопоставить господствующей этнонации (или ее симулакру) свой этнонациональный проект, продвигали идеи совершенно невообразимого в рамках политического мэйнстрима 1990–2000-х годов универсалистско-имперского устройства. За неимением лучшего образца, за образец такого устройства зачастую предлагали брать “идеализированный СССР” или “возрожденную российскую державу”. На этот путь одно за другим вставали “непризнанные государства”: Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, ДНР и ЛНР... “Загадке” их мотивации большинство экспертов нашло “объяснение” с помощью теории “российского заговора”, но это не меняло существа непонимания природы такого сепаратизма. Сепаратистские движения (как принято “по умолчанию”) продвигают идеи национальной, этнической или религиозной самореализации и политической суверенизации. Но “нетипичные сепаратисты” оказались сторонниками светского политического режима, не приемлющего этнократию и ориентированного на принципы национального равноправия. При этом острее их освободительной борьбы было направлено против агрессивного национализма, попыток строительства новых государств на основе этнонаций и насильственного принуждения к этому несогласных, в том числе и больших социальных групп, компактно и исторически укорененно проживающих на своих территориях. А их политической целью было не *создание* независимого национального государства, а *вхождение* в состав другого государства — России.

Существо концептуальных проблем описания особенностей национального строительства в полиэтническом российском обществе попробуем обозначить, сославшись на наработки таких российских исследователей этнополитики, как В.А. Тишков и Л.В. Савинов. Интеллектуальным ответом В.А. Тишкова на вызовы постсоветского нациестроительства стала разработка рамочного понятия “нация наций”, описывающего, по его мнению, большинство крупных государств мира и позволяющего совмещать естественное стремление любого государства сформировать национальное сообщество “на гражданской основе, стараясь преодолеть часто препятствующие этому религиозные, расовые, этнические, племенные, языковые, местно-региональные различия”, с сохранением этнического и регионально-местного своеобразия. Россия, как “многоэтничное национальное государство”, с этой точки зрения и в перспективе национального строительства также является *нацией наций*⁵.

Л.В. Савинов намечает иную грань противоречивой коллизии российского нациестроительства. Россию он уверенно полагает примером “становления полиэтнической нации со всеми вытекающими отсюда последствиями...”, однако указывает при этом, что “адекватный ответ на вопрос: “Что есть и как возможна российская нация?” все еще не сформулирован”, а “отечественное научное сообщество *не преодолело* острого методологического противостояния относительно

⁵ Цит. по В.А. Тишков. Б.Г. Россия — это нация наций. В поисках формулы (тезисы к выступлению на круглом столе Института этнологии и антропологии РАН). Доступ: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html (проверено 01.06.2016). См также [Тишков 2011: 174–178].

сущности и содержания феноменов этноса и нации, этнического и национального, культурного и гражданского” [Савинов 2009: 76]. “Необходима четкая демаркация этнического и национального, культурного и гражданского не только в научном, но и в политико-правовом пространстве. Крайне актуальны и специальные усилия по закреплению такого понимания в общественном сознании” [там же: 77].

Иными словами, Россия пытается продвигаться по трудному и непрямому пути формирования современного национального государства, сталкиваясь с императивом преодоления (как в теории, так и в практической политике) многих трагических исторических накопленных заблуждений и искажений, но, в то же время, опираясь на сохраняющиеся в обществе ресурсы надэтнической и наднациональной интеграции.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ДРАМА ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ

Иной, в чем-то схожий, но в главном — диаметрально противоположный российский пример национально-государственного строительства демонстрирует Украина, особенно после 2014 г. (политико-правовые, ценностные и геэкономические аспекты украинского кризиса были проанализированы автором совместно с В.И. Пантиным ранее, в [Лапкин, Пантин 2014] и других публикациях). Длительное время Украина, в отличие, например, от стран Балтии, пыталась двигаться в фарватере России, сдерживая проявления украинского этнического национализма в духе наставлений Дж. Буша-ст.⁶ Но такой путь для нее оказался путем политических кризисов и деморализующих страну олигархических войн. Перспектива такого национального строительства не устраивала ни отстраненное от политической жизни общество, ни сами украинские олигархические элиты. К 2014 г. противоречия между последними достигли такого накала, а политика “сдерживания России” Западом становилась столь неудержимой, что был дан “зеленый свет” националистической революции, обрушившей прежний конституционно-правовой порядок, а межэтническое согласие было принесено в жертву новой стратегии национального строительства, основанной на этнонациональной консолидации и политизации этничности.

Предостережения прежде авторитетных специалистов по межэтническим и межнациональным отношениям⁷ утратили актуальность, уступив прагматике

⁶ Речь Дж. Буша-ст. в Киеве, в Верховной Раде УССР 01.08.1991: “Свобода — это не то же самое, что независимость. Американцы не будут поддерживать тех, кто стремится к независимости для того, чтобы сменить тиранию, навязываемую издалека, местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто поощряет самоубийственный национализм, порождаемый межнациональной ненавистью” (“*Americans will not support those who seek independence in order to replace a far-off tyranny with a local despotism. They will not aid those who promote a suicidal nationalism based upon ethnic hatred*”). Цитирование и перевод по: Bush Sr. Clarifies ‘Chicken Kiev’ Speech. — *The Washington Times*. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2004/may/23/20040523-101623-2724r/> (accessed 01.06.2016); Борьба за Украину. — *ИноСМИ.ру*. Доступ: <http://www.pda.inosmi.ru/politic/20151206/234702825.html?all> (проверено 01.06.2016). Сегодня эту речь в США называют, возможно, худшей из когда-либо произнесенных американским главой исполнительной власти.

⁷ Вот, например, что писал не так давно Э. Паин: “Гражданский национализм, как показали многочисленные примеры формирования государств-наций, способствовал объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения общих политических целей. Этнический же национализм, напротив, раскалывает гражданское общество и опирается на ксенофобию как важнейший источник мобилизации и сплочения своих сторонников” [Паин 2014: 37–38]. В нынешней Украине торжествует, вопреки логике этого почти банального для современной политической науки утверждения, именно раскалывающая гражданское общество версия национализма, преследующего цель не консолидации в гражданском состоянии, а мобилизации этнорадикалов на противостояние в рамках нарастающего фундаментального геостратегического раскола.

Realpolitik. И в том, что внутривнутриполитический поворот стратегии украинских элит оказался непосредственно связан со сменой “инструментария” национально-государственного строительства, с отказом от перспективы гражданской нации и переходом к строительству этнонации, нет противоречия. Как выразился Сергей Екельчик (Serhy Yekelchuk), профессор Университета Виктории (Канада) в своей книге “*The Conflict in Ukraine*”: “Если смотреть с точки зрения длительной исторической перспективы, становится понятно, что кризис на Украине лишь выдается за этнический конфликт. Этот конфликт связан с тем, какое государство и какое общество появится на постсоветском политическом пространстве” [Yekelchuk 2015: 198]. Скрытый вопрос, заключенный в последней процитированной фразе (“какое государство и какое общество?”), находит свой ответ лишь за рамками собственно украинского социума. Фактически канадским профессором констатируется отсутствие таковых на момент распада Союзного государства и ставится задача активной конкуренции (разумеется, с Россией) за конструктивистскую модель будущего государства и общества Украины. Собственно решением этой задачи обретения конкурентных преимуществ и стало обращение к более эффективному в противостоянии России ресурсу этнополитики.

Прагматическая мотивация этого поворота украинской политики емко иллюстрируется словами российского историка В.П. Булдакова, написанными совсем по другому, российскому, столетней давности поводу: “Один лишь перечень фамилий лидеров правых наводит на мысль о преобладании этномаргиналов, особенно склонных к идентификационным крайностям” [Булдаков 2016: 106].

Стратегия политизации этничности, преобразующая этнический фактор в ключевой ресурс политической мобилизации, придала процессам национального строительства в Украине второе дыхание, обеспечила невиданную в течение всего последнего двадцатипятилетия социальную и политическую консолидацию общества – в противостоянии России, всему российскому и русскому. Этому повороту способствовали и длительное время сохраняющиеся дефекты украинского политического и конституционно-правового устройства (такие, например, как торпедирование и политическая обструкция любых инициатив по федерализации украинского государства, равно как и инициатив по повышению государственного статуса родного языка главного, многомиллионного этнического меньшинства страны – естественных для любого европейского государства). Эти дефекты не позволяли эффективно сглаживать фундаментальную этнонациональную неоднородность формирующейся нации, поощряя политические практики систематических провокаций и политизации сохраняющихся этнонациональных противоречий в обществе. Такая политизация, обеспечивая массовую мобилизацию общества, сегодня стала средством продвижения интересов крупных игроков глобальной политики, инструментом эффективного политического контроля над процессами в странах “мировой периферии”, в том числе и в Украине. Стала частью общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов, продвигая альтернативные модели внешнего управления потерявшим политическую ориентацию и способность к эффективной самоорганизации социумом. Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказывается одной из ключевых ее составляющих. Попытка “спрямить” трудный путь национально-госу-

дарственного строительства грозит обернуться перспективой государственной несостоятельности.

В заключение уместно поставить еще ряд вопросов. Каково содержание текущего этапа постимперского государственного строительства (или государственного возрождения)? Какова его приоритетная задача: консолидация нации (на деле чрезвычайно проблематичная в полиэтничном обществе, где фактически еще не существует не только самой нации, но и хозяйственно-правового и политико-конституционного фундамента для ее формирования), либо же консолидация государства (и тогда национально-этническое основание оказывается одним из возможных в ряду иных оснований консолидации фрагментированного общества)? И существует ли вообще сегодня, в эпоху глобализации, нарастания трансграничных потоков, транснационализации экономики и финансов, возможность консолидации нации по традиционному образцу (предполагающему формирование автономного национального рынка, национальной культуры и прочих атрибутов национального суверенитета)? Поиск ответов на эти вопросы может существенно прояснить перспективы национального строительства на постсоветском пространстве.

Булдаков В.П. 2016. Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 100-114. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.09>

Гавров С.Н. 2010. *Модернизация России: постимперский транзит*. М.: МГУДТ. 269 с.

Гайдар Е.Т. 2006. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН. 448 с.

Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? — *Политическая наука*. № 4. С. 8-41.

Ильин М.В. 2014. Слоеный пирог политики: порядки, режимы и практики. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 111-138. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.03.08>

Карозерс Т. 2003. Конец парадигмы транзита. — *Политическая наука*. № 2. С. 42-65.

Каспэ С.И. 2001. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. М.: РОССПЭН. 256 с.

Краснов М.А. 2006. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. М.: Фонд "Либеральная миссия". 180 с.

Краснов М.А., Шаблинский И.Г. 2008. *Российская система власти: треугольник с одним углом*. М.: Институт права и публичной политики. 245 с.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2014. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 68-89. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.05.06>

Маннергейм К.Г. 1999. *Мемуары*. М.: Вагриус. 508 с.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. 2011. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 164-183.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. — *Полис. Политические исследования*. 2012. № 2. С. 8-30.

Нисневич Ю.А., Рябов А.В. 2016. Современный авторитаризм и политическая идеология. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 162-181. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.13>

Паин Э. 2014. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья. – *Pro et Contra*. № 1-2(62). Январь – апрель. С. 34-53.

Савинов Л.В. 2012. *Этнополитика в региональном измерении*. Новосибирск: СибАГС. 387 с.

Савинов Л.В. 2009. Концепт нации, конституция и этнополитика. – *Ценности и смыслы*. № 3. С. 75-91.

Тишков В.А. 2011. *Единство в многообразии: публикации из журнала “Этнопанорама” 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп.* Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 232 с.

Хардт М., Негри А. 2004. *Империя*. М.: Праксис. 440 с.

Этническая политика в странах Балтии. Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. 2013. М.: Наука. 407 с.

Ямалова Э.Н. 2015. Внешние и внутренние факторы демократизации: опыт постсоветских стран Балтии. – *Фундаментальные исследования*. № 2-3. С. 616-620. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36865> (проверено 12.06.2016).

Colomer J.V. 2007. *Great Empire, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. L.; N.Y.: Routledge. 128 p.

Yekelchyk S. 2015. *The Conflict in Ukraine. What Everyone Needs to Know*. Oxford. Oxford University Press. 208 p.

Solska M. 2011. Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania. – *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 6. P. 1089-1108. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2011.585762>

DOI: 10.17976/jpps/2016.04.06

PROBLEMS OF NATION BUILDING IN MULTI-ETHNIC POST-SOVIET SOCIETIES: UKRAINIAN CASE IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

V.V. Lapkin¹

¹*Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

LAPKIN Vladimir Valentinovich, leading researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: vvlh@politstudies.ru

Received: 11.05.2016. Accepted: 23.05.2016

Acknowledgement. This article was prepared with the financial support of a grant provided by the Russian Science Foundation [№ 15-18-00021 “Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)”]. The research was conducted at the Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS

Abstract. The article focuses on the problem of analysis of alternative nation-building strategies in the post-Soviet space. The collapse of the Soviet empire in 1991 has not led to the restoration of the Empire in a new guise; the result was a bifurcation of the paths of nation building. This is, on the one hand, the way of the former imperial metropole, and on the other hand – divergent political practices of the former Soviet republics, who have fallen away from the metropole. Particular attention is paid to the fact that almost all post-Soviet states (including Russia) were de facto formed on the basis of multi-ethnic communities existing at the time of the Soviet collapse. Formal inter-republic borders of a unified Union inherited by the post-Soviet states have become a factor which considerably complicates implementation of the tasks of nation-building. This legacy activates all sorts of separatist movements and stimulates the emergence of territorially detached internationally unrecognized political regimes and “frozen conflicts”. The former imperial metropolis went through the building of a new “vertical of power” and disciplining the elite in the institutional framework of a personalistic regime. At the same time, it has become a point of attraction for all the separatist political forces of post-Soviet space which were unsatisfied with the conditions of existence in the new “ethnic democracies”. The article analyzes the post-Soviet phenomenon of “special separatism” which rejects ethnic nationalism and xenophobia and sets the goal to merge with another state – Russia, rather than building an independent

national state. The Ukrainian case (after its political turn in 2014) demonstrates an alternative scenario. The motivation for this turn is pragmatic, and resources of ethnic and national consolidation and politicization of ethnicity along with the instrumental imitation of ethnic conflict in Ukraine are used to promote political interests. This represents a potential threat for the future of Ukrainian statehood.

Keywords: nation building; ethnopolitical processes; comparative analysis; post-Soviet states; empire; nation-state; separatism; Russia; Ukraine.

References

- Buldakov V.P. Russian Multi-party System: Illusions of the Past, the Chimera of Contemporaneity. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 100-114. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.09>
- Carothers Th. The End of the Transition Paradigm. — *Political Science (RU)*. 2003. No. 2. P. 42-65. (In Russ.)
- Colomer J.V. *Great Empire, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. L.; N.Y.: Routledge. 2007. 128 p.
- Etnicheskaya politika v stranakh Baltii*. Otv. red. V.V. Polishchuk, V.V. Stepanov [Ethnic Politics in the Baltics Countries/ Ed. by V.V. Polishchuk, V.V. Stepanov]. Moscow: Nauka. 2013. 407 p. (In Russ.)
- Gaidar Ye. *Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoi Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPEN. 2006. 448 p. (In Russ.)
- Gavrov S.N. *Modernizatsiya Rossii: postimperskii tranzit* [Modernization of Russia: the Post-imperial Transit]. Moscow: MGUDT. 2010. 269 p. (In Russ.)
- Hardt M., Negri A. Empire. (Russ. ed.: Hardt M., Negri A. *Imperiya*. Moscow: Praxis. 2004. 440 p.)
- Ilyin M.V. Can There Be a Universal Typology of States? — *Political Science (RU)*. 2008. No. 4. P. 8-41. (In Russ.)
- Ilyin M.V. “Flaky Pastry” of Politics: Orders, Regimes and Practices. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 3. P. 111-134. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.03.08>
- Kaspe S.I. *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika*. [Empire and Modernization: General Model and Russian Specificity]. Moscow: ROSSPEN. 2001. 256 p. (In Russ.)
- Krasnov M.A. *Personalistskii rezhim v Rossii: opyt institucional'nogo analiza* [Personalistic Regime in Russia: the Essay of Institutional Analysis]. Moscow: Liberal Mission Foundation. 2006. 180 p. (In Russ.)
- Krasnov M.A., Shablinskii I.G. *Rossiiskaya sistema vlasti: treugol'nik s odnim uglom* [Russian Power System: a Triangle with One Angle]. Moscow: Institute of Law and Public Policy. 245 p. (In Russ.)
- Lapkin V.V., Pantin V.I. Crisis of the Ukrainian Statehood: Political and Legal, Value and Geoeconomic Aspects. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 5. P. 68-89. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.05.06>
- Mannerheim K. Memoirs. (Russ. ed.: Mannerheim K. *Memuary*. Moscow: Vagrius. 1999. 508 p.)
- Melville A.Yu., Stukal D.K. Conditions of Democracy and Limits of Democratization. Factors of Regime Changes in Post-communist Countries: an Experience of Comparative and Multidimensional Statistical Analysis. — *Polis. Political Studies*. 2011. No. 3. P. 164-183. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. Trajectories of Regime Transformations and Types of State Consistency. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 8-30. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.S., Ryabov A.V. Modern Authoritarianism and Political Ideology. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 162-181. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.13>
- Pain E. Xenophobia and Nationalism in the Era of Russian Stagnation. — *Pro et Contra*. 2014. No. 1-2(62). P. 34-53. (In Russ.)
- Savinov L.V. *Etnopolitika v regional'nom izmerenii* [Ethnopolitics in the regional dimension]. Novosibirsk: SibAGS. 2012. 387 p. (In Russ.)
- Savinov L.V. The Concept of the Nation, the Constitution and Ethnopolitics. — *Tsennosti i Smysly*. 2009. No. 3. P. 75-91. (In Russ.)
- Solska M. Citizenship, Collective Identity and the International Impact on Integration Policy in Estonia, Latvia and Lithuania. — *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 6. P. 1089-1108. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2011.585762>
- Tishkov V.A. *Edinstvo v mnogobrazii: publikatsii iz zhurnala “Etnopanorama” 1999–2011 gg. 2-e izd., pererab. i dop.* [Unity in Diversity: Publications from “Etnopanorama” journal, 1999–2011. 2nd ed.]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU. 2011. 232 p. (In Russ.)
- Yamalova E.N. External and Internal Factors of Democratization: Post-soviet Experience of Baltic States. — *Fundamental Research*. 2015. No. 2-3. P. 616-620. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36865> (accessed 12.06.2016).
- Yekelchyk S. *The Conflict in Ukraine. What Everyone Needs to Know*. Oxford. Oxford University Press. 2015. 208 p.